

СТИХИ
Ярославова

СВЕТЛАНА

СТИХИЯ

*Подступит сладкая отравка, –
тебя измучает, зажжжет.
Поэзия! Она, как лава,
живую ткань – не бережет.
Она приходит к нам без стука.
Она случается, как сон.
Моё сокровище и мука –
души, творящей в унисон!..*

Писала с детства. Пыталась понять жизнь. Не могла не писать. Стихи лепила, строгала, трудилась, старалась. Все время хотелось вырваться из плена условностей и комплексов.

Когда вырвалась – не могли остановить. Когда остановилась – не могли заставить писать снова. Много лет стихи лежали в «чулке». Добавляла новые, но не перечитывала. Бросала их, как письма с моста!

Теперь – открыла. Половину переписала заново. Работала удивительно легко. Энергия, сконцентрированная в тех старых стихах, залпом вошла в меня!.. И, кажется, ничто не сможет остановить этот новый поток. Это расцвет, зрелость, мои «красные розы». Я полюбила свои стихи.

Ненавижу насилие, – в силу свободы. В силу той острой необходимости, которая заставляет жить. Не могу жить одна. Одна – свобода. Два – обод. Три – ключ. Четыре – осень. Пять – солнце. Шесть – соли пуд. Семь – счастье. Обожаю жить, писать. Переваливаю окаты волн. Плыву – в пасть омута. В синий лед! Легче – не будет. Это – моя СТИХИЯ.

Содержание

СТИХИЯ

Поэмы

Память детства	7
Город юности	12

О себе, о смысле жизни

Прозрение	17
Завтра	18
Остров неба	18
Тайный свет	19
Метро	19
Апокалипсис	20
Господин мой День	21
О!..	23
Смертушка...	24
Нет ли на свете той колонны...	24
Одна их всех	25
Парабола	25
За деньги	26
На этой земле, изумительно синей	26
Хочу я взором беспристрастным	27
Час...	27
Одиночество	28

Здесь музыка звучит

Колыбельная	30
Чистые снега	30
Пойду за прямые дороги!	31
Бескрылая птица	31
Ах, озорная!	32
Человек за стеклом	33
Я пришла	34
Яблоки и мед	35
Цыганские ворота	36

Простодушная	36
Веселая пятница	37
Полюби меня недолго	38
Соловенький	39
Полевые частушки	39
Веселые притопы	40
Песня о хорошем парне	41

Любовь – опасная страна

Розы	45
Во все иные времена	45
Порыв	46
Я рвусь к тебе из всех границ	46
Пьяный дуб	47
Что тебе волна?..	47
Я уходила тяжело...	48
Одного того же лебедя	49
В душе моей – пустошь	49
Я ревную!	49
Травы горькие	50
Казанова	50
Тщета	52
Выпусти дьявола!	53
Легкомыслия хочу	53
Любить, так короля!	54
Я тебя выбирала из стаи	55
Вспышка	55
Ты алчешь меня!..	56
Горькая свадьба	56
Любовь	57
Сосновый сон	57
Стекают строки, как с руки	58
Червоточина грусти	58
Я сбегая в простор...	59
На руки твои музыкальные	60
Соблазн	60
Ты моя находка, ты моя ошибка	61
Ты приходил!..	61
Разговор	62

Милый мой, голубоглазый!	63
Я к тебе движеньем обреченным	63
Благодарю, святой и грешный	63
Бурный, ласковый...	64
Гипноз	65
Поздняя любовь	66
Меня – никто не хочет...	67
Мокнет в белой метели	68
Под Новый год	68
Крыжовник	69
Испуг	69

Душа с природой

Сосна	72
Ночь	72
Дождь в лесу	73
Лето	74
Прощание с летом	75
Рябина	75
Лилии	76
На дне огромного моря...	76
Василек	77
Весна	77
Все утро, кажется, лист опал	78
Осень	78
Закат	79
Перочинный ветер	79
От вечернего снега	79
Сирень	80
Сирень, сирень. Какое наслажденье!	80
Подснежники	81
Встреча с лесом	81

Женские портреты

Пустые бутылки	84
Карина	85
Пышка	86
Бабы с данными	86
Избавьте сердце от мучений	87

Актриса	88
Разлучница	88
Женщины Времени	89
Мадонна	91
Секретарша	92
Полуночица	92
Кухонная курица	93
Удалая, огневая	93
Восьмиклашка	94
Дочь	96

Разное

Смена эпох	98
Время – наледь...	99
Поэту-диссиденту	100
Пародии про Курочку Рябу	102
Соты	104
Агония цивилизации	106
Подростки	107
О счастье	109
Не мещане	111
Шаровая молния	112
Встреча	113
В поисках истины	114

Поэмы

Память детства

Во мне никто не смешивал кровей,
Не голубея, кровь моя грубела:
Как от дождя –

размокла акварель,
И в синем небе
радуга робела...

Она тянула смутно – в колыбель,
Переливаясь рыбкой
в изумруде,
В стекло витрин
проскальзывали груди, –
Но вот – никто
перед ними не робел.

Так и плыла, тая свои мечты,
И, не шутя, молилась пню и полю.
Как – в прорубь детства
голубь чистоты небесной
Птицей выскользнул?
Не помню...

А помню то:
ромашковый веноч,
Сплетенный мной
без умысла с чудинкой,
В окне зеркальном выловил манок:
полюбоваться!..
Тонкой паутинкой
из глубины исторгнут силуэт.
Стекла ваятель
смазал угловатость:

Я хороша!..
И мне шестнадцать лет!
И, может быть,
придут от принца сватать...

Вдруг отражение
                                 тенью залилось, –
 Так облака нахлынули от ветра,
 Когда меня – о, ужас! –
                                 всю насквозь
 Пронизал взгляд,
                                 бессовестный заметно –
 Из-за стекла!
                                 Он долго наблюдал
 И озорство, и голые колени...
 Какой кошмар!
                                 Я – дура, я скандал
 Сама собой являла –
                                 свет и тени!..
 И жуткий стыд
                                 стегнул меня, как плеть.
 Бежать, бежать!
                                 Гадливость смыть росой,
 Да – под кровать,
                                 в подушки, в снег босою –
 Куда-нибудь
                                 зарыться – и реветь!
 Краснеть до слез
                                 от липкости стыда,
 Когда не всем исток его понятен,
 Ужасно мне!
                                 Как бурые стада,
 По коже щек
                                 ползли разливы пятен.

 Ну, нет, назло
                                 пойду на лыжах в лес –
 Смывать здоровьем
                                 глупые страданья.
 А летом – плавать.
                                 Времени – в обрез.
 Как ГТО, все нормы
                                 в жизни сдам я!

И обрету за множеством проблем
 Нарыв большой
                                 под книжным покрывалом.
 Неразрешим Ефремов мой и Лем,
 И Достоевский
                                 – в памяти провалом...

 Его и Блока я пойму потом,
 Когда открою взвешенную зрелость
 И не смогу невыдержанным ртом
 Категорично выдать скороспелость.

 Ну а пока – я музыку рвала.
 К чему она? Эмоции и пена.
 Гордыней вслух лелеяла орла,
 Но, замирая, жаворонка пела...

 В душе не доверяя никому,
 Я стала вдруг какой-то отрешенной,
 И так хотела нравиться ему, –
 Предмету дум и вздохов предрешенных...

 Вот повод был таить от взрослых глаз
 Карандаши и грешную помаду!
 Теперь смешно, ну а тогда как раз
 Все завелось, предшествуя параду:

 И крем ночной, и злые бигуди...
 Кто не кусал губы от предвкушенья
 Не показного таинства в груди
 И ожиданья – смелого решенья?

 Магнит танцулек!
                                 Ты б меня не влек,
 Когда б мой мальчик не был заводилой.
 А он в глаза поставит василек –
 Хоть стой, хоть плачь.
                                 А я – с ума сходила!

Так и пришла – с эмблемой и значком
 На белой блузке, с вызовом по форме.
 Не щеголяя модным каблучком,
 Я выше всех, и всех смешней на фоне.

Когда себя Ростовской представлять
 Мне доводилось – не было события.
 Ну а теперь, заставь себя вилять,
 Настал ведь час! А я – готова выть я!

Не научилась – не было забот.
 Ну, пригласи на медленное танго!
 Он пригласил. Танцуем мы, и вот
 В его руках – я счастья арестантка.

Не прекращай, о, музыка, тот плен!
 Хоть через край пролейся в это лето,
 Восстановись, как встала я с колен,
 Познав смущенье сладкого запрета.

Но прекрати звучание пустот!
 Когда моим восстаньем не смущенный,
 Ушел мой мальчик, был уже не тот,
 Уже другой – далекий и прощенный!..

Среди просторов родины большой
 Два наших сердца вечно не сольются!
 Стряхни, луна – серебряное блюдце
 Пять нежных букв, чуть тронутых душой...

*А сердцу надоело
 ломать сухую грусть!
 Заплачу – то ли дело.
 Увидят – ну и пусть.
 Сквозь розовые стекла
 пусть радуга – кривей! –
 Бордовая, как свекла,
 одна из всех кровей.*

*Где неба шелк высокий
 и ели резкий вскрик,
 бурчи, бурьян, осоке,
 про розовый парик!
 Гори в хрустальном хрусте
 веселая роса!
 Лети, планета грусти
 в иные небеса,
 в иные, в иные,
 в иные небеса!..*

Во мне спокойно разум нарастал.
 Так мне казалось, а секрет был проще:
 Я лишь взрослела. Юности кристалл
 Сберег меня, и город мой, и рощи.

И в первый раз я видела во сне
 Свой Нефтекамск
 с проспектом Комсомольским.
 Он тоже спал в младенческой возне,
 Помолодев к утру рабочим войском.

Он раскрывался весь, как скорлупа,
 Как будто солнце спать ему мешало!
 По тротуару люди – не толпа
 Шли, кто куда, по утреннему шару.

Но твердо я вступила на асфальт,
 Надела туфли, не боясь мозолей.
 Подстерегал меня – от принца сват,
 Но я его не замечала боле...

Пришла пора: я покидала сон
 И город мой под бойкий стук лебедек,
 Где пусть живут, как жили – в унисон
 Завод и лес, и маленький ребенок.

Отца в Тюмень тогда сманила нефть.
 Я понимала, я была готова –

Из детства – в юность вымолвить посметь,
Произнести ответ во имя «Кто Вы?»

Наш поезд плыл в березовом раю,
Хотелось вдруг взлететь легко и смело.
А я, как луч, стояла на краю,
И в синем небе радуга робела...

Город юности

(продолжение поэмы «Память детства»)

Приехали, приехали в Тюмень,
Где зелень улиц, пыльных и упрямых,
Ведущих в нефтяную колыбель –
Не по тропе – по небу, если прямо.

И всюду жадно впитывает глаз
Подробности сибирского уюта:
Большие стройки, новых улиц пласт,
То старый город, то беспечно юный.

В кудрявом сквере – маленький герой
И сизый голубь – вечный символ детства.
Радужный транспорт городских дорог
Для всех открыт – и никуда не деться.

Здесь теснота и юмор – хоть куда!
И старожилы все расскажут лихо.
На свете есть большие города
И малые, где родственно и тихо...

Тюмень в себе связала все черты:
Здесь грандиозны новой жизни горны!
А на краю, у городской черты
Еще природа мудрая спокойна.

Стволы деревьев корявы и толсты,
Резные окна, церковь вековая, –
Как будто бы истории листы
Лежат под небом, тихо истлевая...

Течет под солнцем
                                пряный банный дым
И преет чернозем у огородов.
Исконно русский тот сибирский быт,
Который нам дала сама природа.

И берег вдруг!
                                Обрывистый, крутой,
Крапивный, ивный,
                                жутко комариный!
Пойду, пройду
                                протоптанной тропой,
Почувствую Тюмени дух старинный.

Труху домов, намытую в песок,
Примну ногой среди бревен обгорелых,
Найду железа странного кусок,
Который впрок ковал сибирский предок.

В обломах глины виден прошлый день.
Сжимает сердце брэнностью убогой:
Красивый город вырос для людей,
И от людей в нем много и от Бога!..

Вот он вступил на берега Туры, –
Реки, в которой гнется отраженьё
Железных кранов.

                                Резки и остры
Порывы ветра в грохоте сраженья.

Запрудили красавицу Туру
Суда со всяким промыслом привычным.
Источник блага – то, конечно труд,
А труд реки века не будет лишним.

А вот и снимок: весь в колоннах дом
Стоит дворцом у берега крутого!
Его и время трогает с трудом,
И вся Тюмень гордиться им готова!

И дом открыт – для тех,
кто «строить – мечь»
Решил учиться – рисовать фасады.
Строительный!
Здесь институтов – шесть.
Подумаю еще, в какой мне надо?..

Я изучаю пристально Тюмень.
Ее контрасты в лицах и постройках.
Ценой каких великих перемен
Здесь взбудоражен старый быт застойный?

Провинциальный, зауральский дух!
Еще базар им дышит, как умеет,
И в разговорах коренных старух
Сквозит на вздох:
«Что будет – то с Тюменью?..»

А будет то, чего не рассказать,
Предугадать лишь можно осторожно,
Ее пути великие связать,
Расставить даты на домах дотошно.

Соединить падение и взлет,
Потом опять – падения и взлеты.
Тюмень свои отчеты подает
Горячей нефтью, подвигом и потом.

Здесь нет красивых броских автострад,
Дорога – труд, в дороге все едины.
Мы все – в дороге, и наш стольный град
Плывет, с боков смывая ил и тину.

И верю я, что город победит,
И станет вдруг столицей отменной,
Не тою – ссыльной: город глух и тих,
Деревнею зовут его – Тюменью...

Моя Тюмень. Моя теперь Тура.
И здесь судьба, и жизнь идет и длится.
Как долог путь! Казалось бы вчера
Встречала я ее простые, лица.

В зеленых куртках с надписью «Тюмень»
И надписями многих мест обжитых
Идет народ гурьбой – на новый день,
Вгоняя в землю страх и пережиток.

Смешно скрывать: однажды в ранний час
Они бежали, тискались в автобус.
Казалось мне, от этих тел сейчас
По синим рекам лопнет тихий глобус,

От огорченья стиснется вода!
То был прорыв, толпы людской восстанье!
Кому она наделала вреда,
Влача в природу жгучее вранье?

Так было тяжело толпе людей...
Мы все больны своей мечтою ранней.
Неисполнение делает лютей
Сердца людей, а цели их – желанней.

Что делать мне, чтоб город чище стал?
Бери метлу! Но я беру бумагу.
Кто чем силен, решает каждый сам
И чистит мир души тревожным взмахом.

Как пуповина мира, конус мер,
Ступень земли, собрание разных судеб,
В Сибирь ворота – город наш – Тюмень,
Он для меня родным навеки будет!

О себе, о смысле жизни...

Прозрение

Мне стало вдруг невыносимо
жить в полдыхания, в полсилы
и оставлять не след, а тень!
Причина в том, что жду пассивно,
когда наступит новый день.

И он наступит – неизбежно,
за сутки обойдя прилежно
наш голубой огромный шар!..
Мы часто тратим бесполезно,
что преподносится как дар.

Проходит день – опять впустую.
Я снова злюсь и протестую!
Мне жалко прожитого дня:
уходят целые мгновенья,
не испытавшие огня.

Они – невидимы, безлики,
они – бездействия улики!
Мне стыдно их, но я плачу
своею совестью за это
и искупить вину хочу.

Рассвет уходит безвозвратно,
ведь, повторяясь многократно,
себя не в силах повторить.
А, если свой рассвет упустишь,
то будет – некого корить...

Завтра

Завтра! Это не то, что затхло.
 Не истлили его века.
 Но – не стройте воздушных замков, –
 Завтра – это наверняка!..

Надо жить на Земле азартно,
 Чтобы время потратить – мудро,
 Чтобы не было нам досадно:
 Завтра встретить земное утро...

Остров неба

Хочу я всплыть на остров неба
 От этой серости убогой.
 Хочу быть избранной – не где бы,
 А только в небе – только богом.

И душу легкую, как воздух,
 Хочу нести в открытый космос!
 И я найду, пока не поздно,
 Вот это небо, этот остров!

Хочу я всплыть легко и быстро
 На свой отдельный остров неба,
 И будет там светло и чисто,
 Как в поле, дремлющем от снега.

Но мне с земли уйти не просто,
 Я своего конца – не вижу.
 Но знаю: есть на небе остров, –
 И он становится все ближе.

Тайный свет

Кристаллизуют люди города
 И жмутся в них, как атомы в кристаллах,
 Не раствориться, не сойти – туда,
 Где тонет снег в проталинах усталых...

Где столько жизни – полною рекой!
 А мы, увы, довольствуемся малым.
 Не приласкать измученной рукой
 Живой травы, как путникам бывалым.

Не глядя вдаль, в кругу своих орбит
 Все тянем груз оторванности дикой,
 Когда от одиночества знобит
 Среди толпы нарядной и безликой.

А где-то там стоят совсем одни
 Березы с оголенными плечами
 И излучают тайный свет они,
 Который люди раньше замечали...

Метро

*Люди уходят. Не в смысле том,
 что они умирают или, прежде того,
 тихо старятся где – то душой.
 Просто люди выходят – в метро.
 Столько разных глаголов!
 А выход – один:
 Все равно – все равны
 на Земле без единого входа...*

Там, где мрамором горным
 стоит заколдованный зал,
 и на белых полах
 отражаются гербы народов,

и светильники алые
 мечутся в бронзовых колоколах, –
 там плывут эскалаторы...
 Как на плоту на наклонном,
 несут они прорву людей –
 вертикальных, как прорва идей
 в титулованном зале колонном.
 Скорый поезд лежит на полах...
 В лабиринте
 – многокилометровом
 элементы потока
 открыты подземным ветрам.
 В отражении стекла
 – вдоль – размытое тело народа,
 и осколки лица,
 и обрывки нервических фраз.
 Открываются двери,
 и горная блещет порода
 под ногой миллионной
 потока стотонного – нас.
 Я с трудом отделяюсь
 и вновь выхожу из потока.
 Чуть качает волна,
 и пьянит уже запах травы.
 Под ногами грохочет
 – исчадие ада и тока,
 этот мраморный город
 – подземное эхо Москвы.

Апокалипсис

Сгорит земля, и все умрет,
 Иссохнут реки, льды растают.
 И серый облачный помёт
 Зальёт планету, нарастая.

Осядут в бездну города,
 Замрут навеки телефоны,

И с пеной грязная вода
 Сметёт в овраги мир бетонный!

Земная скорчится кора,
 И лопнут нити автострады,
 И вмиг закружатся ветра
 Над миром ужаса и смрада...

Замрет планета – до утра,
 А поутру проснется снова.
 И, как из облака – гора,
 Проступит день христа иного.

И нас подымут: с ночи – в день,
 В затмении скованных веками,
 И порастет цветами пень,
 И зацветет на солнце камень.

***

Господин мой День!
 Ты мне то ответь:
 Куда Солнце деть,
 если Смерти – тень?
 Господин мой День,
 Лебедей – не бей!
 Воин – белый пень,
 Ворон песню спел...
 У меня теперь
 чувства сдвоены:
 Ворон песню спел -
 вышли Воины –
 и почуяли:
 пахнет порохом!..
 Значит, Чудо мне
 вышло Вороном...

Смертушка...

Смертушка, не жди меня – не надо.
Я сама приду, какая есть,
К пепелищу сумрачного ада:
Просто так, погреться и поесть.

Уж прельщусь на тайную пирушку
Перед тем, как в облако уйти,
И меня, безгрешную старушку,
Может, кто проводит по пути...

Ну а после, ветер, разнеси мой
Дух, спаленный милостью дотла!
Что была я женщиной красивой,
Так ведь то – от света и тепла...

Вспомяну, зевнув в себя украдкой,
Расстелю холодную кровать.
Смерть придет – пугающей и сладкой,
И придется, нехотя, вставать...

***

*Нет ли на свете той колонны,
к которой прислонивши лоб,
поймешь, что Бог т, и таков
был до того и будешь после,
когда сгнут в скорлупке кости
и народится звон цветов!..*

Роятся грубые надгробья,
над безутешными скорбя.
Войдя, не поведу я бровью,
на ту тропу, где нет тебя.
Темнеет лес, и профиль черный
на ложе прелом и сыром
сквозит, и вздохом обреченным
струится над его шатром...

Одна их всех

Я не молюсь, не умаляюсь,
Не выделяюсь из толпы.
Ничем особым не являюсь
Не преклоняюсь у стопы.

Живу без бремени и траты,
Беру без трепета – успех,
И красоту ношу, как латы.
Вот это я – одна из всех!

Я, в этом мире проживая,
Не ощущаю, где стена,
Как мимолетная, живая
Не ошибусь – из всех одна!

Лишь, преклоняясь у иконы,
Пред миром смертных и живых,
Мне вдруг становится – спокойно,
Что я сама – одна их них.

Парабола

Тогда звенящая пора была,
И, размыкаясь в словеса,
Во мне гигантская парабола
Ветвями вскрыла небеса!..

Шумело сердце точкой маковой, –
Таило «минимум» во мне.
Но вдруг прозрачность стала матовой –
На самой солнечной волне.

Я поняла соленость берега
И повернулась я – к земле,
И вышел «максимум» – доверия,
Простой, как истина в зерне!

И прорастало, как из завязи,
 Добро из сердца моего,
 И я была достойна зависти
 И даже – счастья самого!

За деньги

Какой-то глупый бег
   за чудесами.
 Мы покидаем век,
   сгорая сами.
 Сгорают жизни – влёт,
   как лед и пламень,
 и кто кого возьмет -
   не знает Каин.
 Сгорают друг и враг
   зимой и летом
 в погоне – выше благ -
   за тем билетом.
 Не думал белый свет
   как жить – без денег?
 Дай мне на жизнь билет,
   такой же пленник!
 За деньги друг и враг
   столкнутся лбами,
 и даже вступят в брак
   рабы с рабами...

***

На этой земле, изумительно синей
 хочу я, чтоб все становилось красивей!
 В весенней сирени, в осенней осине,
 в сияющем зное, в седеющей стыни –
 почувствовать силу! Отдать ее -сыну,
 Россию вместить в дорогую росину
 поэзии светлой, вдохну и осию!
 Искать не устану, любить – не остыну!

***

Хочу я взором беспристрастным
 проникнуть в тайны бытия.
 И мне не кажется напрасным,
 что в мире существую я.
 Слежу с вниманьем беспокойным, –
 куда влечет меня мой зов?
 И не хожу путем окольным
 все начинающих с азов.
 Быть может, действую я смело,
 роняя тонкое весло,
 но я познала, как умела,
 что в мире существует зло.
 И что не все бывает сразу,
 что перед кем-то я в долгу,
 и что лишь ту закончу фразу,
 начать которую смогу!

Час...

Час мой круглый час,
 мой огромный час,
 мой нещадный час, –
 счастья тебе часть
 отмахать и лечь,
 Дай холодный меч,
 чтобы солнце жечь
 в груди вечность твою!...
 Бум!. Звон!.. В блюдо часа,
 причастия к еде чистой – час,
 из семи чудес света – час.
 Звездный, целый, академический.
 Часовен, башен, колоколов,
 осколков солнца – сколько?
 Словно в щелку черт
 все нащелкивает – чок-чок-чок...
 Жилку шелковую в висок
 сам продергивает часок.

И приходит он слишком часто,
чаще часа время частит.
Наполняется жизни чаша,
чья-то капля над ней висит...

Одиночество

Мелькают дни, уходят годы.
И замыкается кольцо.
Как угасающие всходы,
У Одиночества лицо.

Я Одиночество узнала,
За ним и смертную Тоску.
Глухая замкнутость провала
Не даст возвыситься ростку...

Здесь музыка звучит

*Ты тайну откроешь мне, синяя лампа?
Где сила таланта, где – сила таланта?
Она – где-то рядом, светла и печальна...
А сила таланта – есть сила отчаянья!*

Колыбельная

Спи, сынок, как в иле сом.
Счастья – кот заплакал.
Пусть тебя качает сон
В своих мягких лапах.

Пусть тебя не будит гром,
Молнии не слепят!
Спи, сынок, как теплый дом,
Когда в поле ветер.

Как фасолинка, луна
В синем спит рассоле.
Ты один, и я – одна,
Словно ветер в поле...

А пока ты сладко спишь,
Я судьбе не выдам,
Что на мне ты возместишь
Всю свою обиду...

Спи, сынок, как в иле сом.
Счастья – кот заплакал.
Пусть тебя качает сон
В своих мягких лапах...

Чистые снега

Пойду я в чистые снега
в час очищения и боли,
где голубые берега
еще не тронуты любовью.
Где осиянная река
свершает в сумерки – благое...
И растворяется – тоска
в умопомрачительных покоях...

Скажу я белому снегу
душою молвленное слово,
и на хрустальном берегу
любовь откажется от крова.
О, пламя синее, ликуй!
И плавься нежными губами,
мой одинокий поцелуй -
над голубыми берегами...

Пойду за прямые дороги!

Пойду за прямые дороги
Туда, где шумят зелены!..
Разую я сердце и ноги,
И бог не осудит меня.

– О чем Вы грустите,
о чем Вы?..
Начнет мне шептать благодать.
Никчемные сны утонченны,
Но мне этих снов – не видать.

И стану я девочкой глупой, –
Пусть ветер целует плечо!
Никто не ощупает грубо,
Никто не соврет горячо...

Порадуюсь светлому лику
И травам в намякших лугах,
А дома сострою улыбку,
Качаясь на злых каблуках...

Бескрылая птица

Синегубая ночь и озноб,
Ключ холодный от теплого дома.
От людских мы спасаемся злób,
Там где льются вино и истома.

Там где серая – серая тень
Мне на плечи, как птица, садится,
И сползает, сползает со стен
Чье-то счастье, как в руки – синица.

Эта темная, темная ночь,
Первый сумрак – и надо проститься,
И качается по ветру дождь,
Словно грусти бескрылая птица.

То ли капель холодная горсть,
То ли ветер срывается с крыши?..
Мы с тобой не надышимся врозь,
А вблизи мы друг друга не слышим...

Ах, озорная!
(Романс)

Ах, озорная! Все тебе мало,
Бархату мало – больше невмочь!
С неба свалилась
сонная манна, –
Дня тебе – мало.
Выбрала – ночь.

Ах, озорная, что мне осталось:
Белою костью – в черную пасть
Страстью прикрылась
темная жалость,
Жалом потерлась – вызвала страсть!..

Что мне осталось – я и не знаю.
К пропасти, к краю
рвется, смеясь,
Юная стерва, ах, озорная!
А я за нею – скованный князь...

Белые кости, пьяные гости...
Ночью очнется – плачь или смех?!
Пусть она льется, пусть она льется
Кровь моя лентой – алою в снег!

Ах, озорная! Все тебе мало.
Водишь глазами: «Милый, не трусь!»
С неба свалилась
сонная манна,
а я туманом томным напьюсь...

Человек за стеклом
(Песня барда)

Человек за стеклом:
не родня, не знаком.
Да и кто он такой?
Гол, как волчий закон.

Пьет веселый вагон
и поет про любовь.
Только я не пою
ни о ком.

И к нему на перрон
из вагонных глубин
не сойду – почему? –
будь он трижды герой!

Пусть он гибнет один
и никем не любим,
я к нему не сойду
на перрон.

Он не пан, не барон –
У него своя роль.
Человек за стеклом,
а не голый король!

Нынче плохо с теплом
я к нему на перрон
унесу свой последний
капрон...

– Надевай, дорогой,
все тебе поделом.

Ты – под солнцем,
а я – человек за стеклом.

Нынче год мне – как дом,
но в зеленый вагон
никого не берут
без погон!

По стальному ручью
все дожди уплывут,
где никто никому,
где меня не поймут.
В остальном я шучу,
наполняя суму,
и живу, как и все – по уму...

Я пришла

*« Это было давно:
год примерно назад,
вез я девушку трактором
почтовым...»*

Я пришла, я пришла,
я по-детски смешна.
И какого рожна?
Я тебе – не нужна.

Я от счастья светла,
Да от страсти темна,
И худа, как ветла,
и – пьяна.

И шутлива – шумна, –
Весел нет у челна,
Тем шалею, чем начинена!
Я не «дай», и не «на»,
Я тебя лишена
И тобой сожжена –
Не жена.

*«Круглолица, белая,
словно тополь, стройная,
и покрыта
платочком
шелковым...»*

А – тебе все равно,
То, что было давно,
Не звучит
откровением
новым...

Яблоки и мед

Приходи ко мне сегодня
Кушать яблоки и мед.
Ах, какой ты новогодний!
Никто замуж не берет...

Приходи ко мне сегодня
Половички нарушать,
Слушать прелести погодни, –
С медом яблочка – вкушать.

Приходи ко мне, зеленый,
Елку – шелку принеси,
И, пока в меня влюбленный,
С медом яблочка – вкуси!

Уж потом пойдут сугробы,
Ты ко мне забросишь путь
Не люби меня до гроба, –
Лишь до смерти не забудь.

Цыганские ворота

Я в цыганские ворота
 Не помедлю за тобой.
 Между двух огней – болото, –
 Лучше ветер голубой!
     Там вдали, у небосвода
     Есть и яблоко и конь.
     Будет выдана свобода
     Нам за воду и огонь!

Я не пава, не ворона,
 Лишь ступила за порог,
 Мне – корыто и корона –
 От свободы вышел прок.
     Вышла дальняя дорога,
     Но земля сменила кровь.
     За цыганские ворота
     Карта выпала – свекровь.

Позабавились – и то-то!
 Так приветила в упор.
 Отворота – поворота
 Не дождалась до сих пор...

Простодушная

Милый, я не виновата,
 Что не нравится любой,
 Что душа моя, как вата,
 Вся пропитана тобой,
     Что любить тебя с отвагой
     Не хватает мне ума.
     Не судьба мне будет свахой, –
     Себе буду я сама!

Начесала круто челку,
 Раскудрявила с боков.
 А у нас так все девчонки
 Завлекают женихов!

Ну а ты сказал: «Подумай,
 Некрасива, неумна...»
 И, набитая, как дура,
 Я ревела дотемна...

Милый, я не виновата,
 Не вини меня и ты,
 Что душа моя, как вата,
 Схоронила те цветы...

Хороши на платьях складки,
 Каблучки легки, тонки...
 Вечера девичьи сладки.
 Слезы бабьи – далеки.

Веселая пятница (Озорные мотивы)

Не суди, сумятица,
 Не боли, головка.
 Мне седьмую пятницу
 Ой, за себя неловко!
     Мне с тобою боязно,
     Хорошо да робко.
     Заросла до пояса
     Травяная тропка...

Шторочки подтыкаю,
 Подоткну подушки.
 Встану «заковыкою», –
 Голова да ушки.
     Запорхаю платьишком,
     Как плотвичка в речке,
     Приласкаю пальчиком
     Русые колечки.

А свернусь калачиком –
 Никому не легче...
 Что ж ты ключ от ларчика
 Не погрел на печке?

Кала – кала – кольчики –
Белые овечки,
Пока мы не кончили,
Не дождалась свечки.

Ты прости за речи мне,
За мои орешки.
Лучше выйди к вечеру,
Где «орлы» да «решки».

Полюби меня недолго

Полюби меня недолго,
В страсти волосы не рву!
Полюбила я подонка,
Полюбила – и реву.
Знаю: рвется там, где тонко, –
Проверяла наяву.
Полюбила я подонка, –
Потеряла голову...
Выходила за ограду
У него на поводу,
И была ему так рада,
Что не чуяла беду.
А теперь сажу в потемках
И зову его, зову!
Видно, скоро все скатерки
На пеленки изорву...

Полюби меня недолго, –
В страсти волосы не рву.
Полюбила я подонка,
Полюбила – и реву.
Не порадуясь параду
Вместе с милым на виду.
Отольются слезы гаду
Водопадами в аду!

Соловенький

Что рука твоя, соловенький,
не долга?
Отделились две соломинки
от стога.
Звезды черпала половником
за рекой...
Полюби меня, соловенький,
вот такой!
Проводи меня до просеки
дорогой –
той не пройденной, не прошенной –
дорогой.
Извелась моя головушка –
за тобой.
В роще розовой соловушка
голубой...

Полевые частички

Было двести, стало триста, –
Вышли Одуванчики
И уселись, как царицы,
На земном диванчике.
А за ними вышли Кашки,
Милые подружки!
Им веселые букашки,
Нагло лезут в ушки.
Появился Львиный зев
И сказал, едва присев,
Что среди посевов
Много лишних Зевов!
Похвалилась Череда:
Мол, самому министру
Я лечила иногда
Детскую потницу!

Подорожник долго шел,
 Да бутылочку нашел.
 Был он верным мужем,
 А теперь – не нужен...
     А Репей, хоть и не смел,
     Зацепился и успел
     На лукавом месте
     Подмигнуть невесте...
 Тут одна ромашка,
 Вышла на полянку,
 Выпила рюмашку –
 И – замяла пьянку.

Веселые притоны

Завлекать тебя хочу, –
 Ножками потопочу,
 Поведу крутым плечом, –
 Да что вы, я ни при чем!
 Пять минут похочу,
 По спине поколочу,
 Завлеку не калачом.
 Да что вы? – Я ни при чем.

А ну давай, давай, давай,
 Давай не разговаривай.
 Давай не разговаривай,
 Покрепче чай заваривай!
 Да не ошпарь меня, вай-вай!
 Пока иду – не задевай.

Я и так схожу с ума,
 Вся от сраму не сама.
 Завлекла чужого я, –
 Рука не тяжелая.
 Завлекла не в закрома –
 Злата – серебра нема,
 Лишь горчица жженая, –
 Угощу чужого я!

А ну давай, давай, давай,
 Давай не разговаривай.
 Давай не разговаривай,
 Горчицу переваривай!
 Да ни о чем не спрашивай,
 Меня поугваривай.

Напоила сгоряча,
 Горит ярче кумача.
 Говорит, плясать велит.
 Душа грешная болит.
 Отплясала «ча-ча-ча», –
 Пятки тверже сургуча.
 Доплясалась – пар валит.
 Доктор Айболит!..

А ну давай, давай, давай,
 Давай не разговаривай,
 Давай меня залечивай,
 Рентгеном грудь просвечивай!
 Где там сердчишко болит,
 Доктор Айболи-ит?..

Песня о хорошем парне

В мире бешеном и плавном,
     удивительном и чистом
 в страстном бряцанье гитары
     по вечерней мостовой
 шел большой хороший парень,
     и здоровыми руками
 он играл проклятый шлагер,
     что с утра к нему пристал.
 Он любил кого-то, где-то,
     мял траву, хрустел паркетом,
 с кем-то спорил, что-то строил,
     поженился и – затих.
 Стал выписывать газеты, есть
     домашние котлеты,

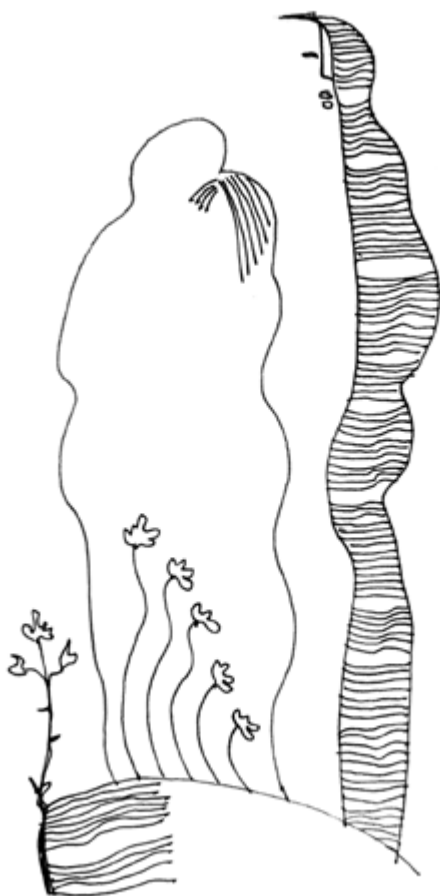
словно кролик, в теплой клетке,
 пить подслащенный кефир.
 Опротивел всем на свете,
 он, прилично так одетый,
 по утрам пробежки делал,
 гирички круглые кидал...
 И задумывался редко
 на своих полозьях гладких.
 По кусочку шоколадки
 детям в праздники давал.
 «Идеальный и нормальный!»,
 – говорили все соседи.
 А ведь был хороший парень
 и надежды подавал!..
 И, казалось, вот очнется
 и рубаху разорвет, скажет
 «Душно, страшно, тошно!
 Ты – не та и я не тот.
 Надо жить... не так, как жили,
 надо все перевернуть.
 Что я сделал за полжизни?
 С кем мы съели соли пуд?
 Надо петь, ходить в походы,
 строить детские грибки!
 Нет, не то, мешает что-то
 и срываться – не с руки...»
 Что мешает, что мешает?
 Люди думают – семья.
 Сотни тысяч дел ненужных,
 лужи слез, проклятый ужин,
 телевизор, пылесос!
 Невозможное скопление...
 Притерпелись, прижились.
 Утром – служба, ночью – дружба,
 Днем – жарница, зверство пищ.
 И не надо чувства парить,
 оставляя на потом.

Ты ушел, хороший парень,
 с головою в это дом.
 Чу!.. Знакомые поправят,
 язву вылечит жена,
 дети сами свадьбу справят
 без привычки «пей до дна!».
 Времена другие стали.
 Но все так же слеп и глух
 дом, где собственно руками
 из слона мы давим мух.
 Как удав, наш дом удобный,
 наша доля, наш уют
 – Скушай, деда, бублик сдобный,
 дай на счастье и салют!
 Вот уж хапальное бедство
 – подписать последний иск,
 дом родства и дом соседства,
 куры, дуры, детский писк!
 Для чего, зачем все это?
 В удивительно большом
 мире, бешеном и плавном,
 мы приходим в этот Дом.
 Там конвейер так поставлен,
 с детства в голову вдолблен,
 Как ты пел проклятый шлягер,
 так и после был влюблен.
 Так и жил: когда-то, где-то,
 ждал – начнутся вот дела!..
 Жизнь прошла,
 и песня спета,
 будто вовсе – не была...

Любовь – опасная страна

*Что такое Любовь?
У нее нет лица,
И она без зубов
Разрывает сердца.*

*Это Ад или Рай?..
Их гремучая смесь.
И, как выход на край,
Это – Жизнь.
      Это – Смерть.*

Розы

Я несу в руках бледные розы
В светло-розовом облике дня.
Отойдут мои вешние слезы, –
Ты тепло поцелуешь меня.

Я несу в руках красные розы, –
Все прекраснее день ото дня!
Отшумят мои майские грозы –
Ты придешь и полюбишь меня!

Я несу в руках желтые розы
В чайном солнце осеннего дня.
Отцветут мои поздние грезы, –
Ты простишь и забудешь меня...

Я несу в руках белые розы
В снежной вьюге последнего дня.
Это – все, что укрылось от прозы
И досталось – тебе – от меня...

***

Во все иные времена
Звучит «люблю тебя»,
Я все иные имена
Не ведаю, любя,
      И на иной земле не сплю,
      Не ем иных хлебов.
      Мне только слышится «люблю»
      Все чаще, чем любовь...

И ты уходишь – весь иной –
Не мой, не свой – ничей.
Как – между чем еще? – и мной
ты счастлив и зачем?

      Все чище плещется волной
      Всенощный твой прибор
      Меж мной – и чьей еще виной,
      И той, что есть с тобой...

Порыв

Не донимай – пообнимай!
Чего ты мучишь проволочкой?
Уж на губах зарделся май,
как чуткий мак
                        чернявой ночью.

Срывай!

Он быстро отцветет, –
цветок не северный, болезный,
в головке опиум сплетет,
чтоб получить

                        бальзам полезный.

Ну, приступай к своим речам!
Учти, я нынче не ломака.
Секретам древним обучал
тебя, наверно, трепет мака...

Ты опалил живую ткань,
что для горенья благодатна,
снимаю щедрую ту дань –
стократ возвращенную –
                        обратно! –
на твой изученный ландшафт, –
Вскрывай порыв сентиментальный!
А мой измученный – лежал
и чистым был,
                        как гусь хрустальный...

***

Я рвусь к тебе из всех границ,
Из путаниц и сплетен,
Чтоб, оступившись, падать ниц!
А ты мне что ответил?!

Я налетела, как гроза,
А ты – не подал виду.
Два голубя – мои глаза,
Ключющие обиду...

Пьяный дуб

Изнуренный, изморенный,
Ты явился, дуб зеленый,
развеселый...
Пропадал – невесть где,
тебя искала.
Где ты был опять,
тоска мо..?
Ну, сознайся, что поддал!
Ни и ни! Ко мне – шагу!
Не целуйся, не глупи.
Спать поврозь с тобою лягу,
сам хороший – вот и спи!
Спи один, медведь шатучий,
на вот, выпей-ка кваску.
Я уж ивою плакучей
по тебе спою тоску.
Да повою простодырой
в оголтелую трубу!
Бог с твоею, мол, квартирой,
что, мол, видела в гробу
и тебя и всю зарплату!
Об одном лишь ни гу-гу,
что, с тобой не зная сладу,
без тебя я не могу.

Что тебе волна?..

Что тебе волна?
Припадет, пригубит
И назад отступит.
Миг тебе волна.

Что тебе луна?
Бледная – полюбит,
Все мечты погубит.
Сон тебе луна.

Что тебе скала?
Гордая – осудит,
Пыл в груди – остудит.
Плен тебе скала.

Что тебе весна?
Разомкнет – разбудит,
Хоть не ждешь, а будет.
Я тебе весна.

Я уходила тяжело...

Я уходила тяжело,
Ты отпускал меня – с обидой.
Любви прозрачное стекло
Меж нами жертвенно разбито!..

Ты отпускал меня – чужой
И разводил мосты – жестоко.
Прощалась я с твоей душой,
Она смотрела черноокоо...

Я уходила навсегда.
Ты так хотел, ты это сделал!
Но я не верила тогда,
Что уходило – только тело...

А душу ты – не отпустил,
Она с тобой живет и любит,
А мы ни капли не грустим,
Что больше встреч у нас не будет...

***

Одного того же лебедя
За крыло люблю таскать
На земле, где деться – некуда,
В небе – некого ласкать!

Не раскинуть руки неводом.
В глубине – не пасть во тьму.
И за это – эка невидаль! –
Не достаться никому..

***

В душе моей – пустошь,
В глазницах – вода.
Как в райские, вступишь
В земные врата.

Откроешь мне тайну,
Качнешься на дно,
А я – то – растаю
И выпью вино...

А где-то все реже
Ты бродишь, как лунь.
А звезды – все те же, –
Засветятся – дунь!..

Я ревную!

Я ревную тебя, я ревную!
Но я после тебе объясню,
как от ревности страсть поцелуя
истерзала меня на корню!

Я ревную, как горец упрямый,
как мальчишка – без всяких надежд!
Ты меня никогда не теряла,
и себя этой мыслью не тешь.

Моя ревность меня истязает,
но мне нравится этим болеть, –
словно боль мазохиста вонзает
в мое тело блаженную плеть!
Я хочу ревновать тебя – нежно
и в ночи находить и терять.
Ведь придется, любимая, – мне же
со «стоп – крана» срывать рукоять!
Реки вспять для тебя поверну я!
Ты – моя! – я кричу в полусне.
Как любовник, тебя я ревную.
А кого ты ревнуешь ко мне?..

Травы горькие

Милый мой, сосуд скудельный!
Милым, прежним – что не стал?
Не режим тебе постельный, –
Счастье доктор прописал.
По нему – сама тоскую,
Травы горькие варю.
Что от жалости смогу я?
Не могу я! – Говорю.
А во сне пою, ликую
На скудеющей волне!..
Вижу женщину – другую,
Проходящую во мне.
Вижу то, что не увижу..
Не обижу, милый мой.
Я сама подвинусь ближе, –
Мне удобнее – самой...

Казанова

Великолепный мой нахал!
В губах, обмазанных малиной,
не твой ли шепот намекал
на путь, сомнительно недлинный?..

И так струился негой глаз,
как будто смазан маргарином
твой несварительный запас,
не предназначенный фрейлинам!..
– Ну как?
– Ну как: рука в рукав!
Любуйся местным колоритом!
К тебе, как «во первых строках»,
по тротуару маргариты
в святейшем трауре спешат
и дышат в спину: «Квиты, квиты!»,
и машут лапками мышат..
А ты – со мной плывешь, увитый
венками лавровыми дев,
с утра которые надев,
до полдня ходишь ты убитый
и ищешь, ищешь – где вы, где – в
каком саду полузабытом,
Вы, не заезженные бытом
любви в хрустальнейшей воде,
русалки прежние, вы где?
Спешите в лапы Дон Жуану!
И с лаской плюхайтесь, жеманно
в холодный омут простыней.
Ты был – когда – с которой – с ней? –
недоуменно вопрошаю
и мнусь, как будто бы решаю,
и тем становится сильнее
желанье, жалость или шалость, –
неважно что! Что в сердце сжалось?
А ты – разжать его сумей!
А ты – обмажь меня малиной,
и назови меня – Мариной,
Светланой, Катей – все равно..
Луны печальное Оно
сглотнет страдания перины,
где звезд – полно, и соловьиных,
и лебединых опахал!
Где ты и спишь, неповторимый,
великолепный мой нахал!

Тщета

Твоей Тщеты лохматый пес
принес мне весть – как дар принес.
Принес как милость и как месть, -
твоей Тщете – хвала и честь!
Мне остается только весть
игру, фальшивую, как лесть.
Твоя Тщета попыток лес
с тоской изрыскала, как есть,
ища какой-то тайный след,
как тот – «гранатовый браслет»...
Ища, обрызгала слюной:
все доказательства – за мной,
все за спиной!
А пред лицом
восплыл смиренным подлицом,
когда украл и в дар принес
твоей Тщеты лохматый пес,
держа надломлено в зубах
цветка надорванного прах...
А из него на голь, на землю
стекло прозрачных капель семь...
Пес их тихонечко слизал
и тут же сдох, как все сказал...

А вслед пришла твоя Тщета,
как искривленная черта,
и я ответила Тщете,
что у Надежды – псы не те!
Они несутся – не ползут
и камни весело грызут,
они несут не мед, не яд,
а все, что в жизни есть подряд!
И я люблю таких гонцов:
Надежды смелой гончих псов!

Выпусти дьявола!

Выпусти дьявола!
Выдави душу.
Выдохни – в сумрак
соловушку – в стужу...
Жутко – без дьявола?
Я – не нарушу.
Выгляни, солнышко,
высуши сушу...
Я – ото дня была.
Ты – не от ночи ли?
Выпусти дьявола
к чертовой дочери!
Горькую ягоду
мне напророчили.
Вызволить дьявола,
видимо, проще – мне?
В день омовения,
в час откровения,
выдохни дьявола
как дуновение!..
Уж остается одно:
до скончания:
выкусить дьявола,
вместо венчания...

Легкомыслия хочу

Блеск утраченный лечу
в облике и речи.
Легкомыслия хочу, –
Не на век – на вечер.
А когда его – вполне, –
Тону в тине млечной.
Поищи для счастья мне
Что-нибудь – полегче.

Но от блеска – снова резь.
 – Отпусти, не мучай,
     Если ты во мне – не весь, –
     Значит это – случай.
 А я к случаю шепчу:
 – Плавай, где помельче!..
     Легкомыслия хочу,
     А его – все меньше...

Любить, так короля!

Свалюсь, как снежный ком
 В брильянтовы поля,
 Блюдя один закон:
 Любить – так короля!
     Оплыв на сто свечей,
     Блудить его огнем.
     Качается качель -
     Кончается враньем!..

Ах, этот чертов сон!
 Постель моя – пуста.
 В плену у черных солнц
 Хочу любить – Христа,
     Чтобы белей холста,
     Встречать в избе рассвет,
     Где я – одна из ста
     Чиста, как белый свет!

Светла, как та свеча,
 Что вслед тебе ушла.
 От одного луча
 Не светится мошна.
     От дорогих камней
     Один холодный блеск!
     А голых королей
     Давно загнали в лес...

***

Я тебя выбирала из стаи
 Коронованных гордых волков.
 Почему мы родными не стали,
 Почему ты, как все, не таков?

Ты как будто из воли и стали!
 Мне не думать уже ни о ком.
 Я тебя выбирала из стаи,
 Но остался ты в ней – вожаком.

Для тебя одного я блистала,
 Вплоть до волоса стала – твоя.
 Но моя лебединая стая
 В небеса улетела сия...

Вспышка

«Тебе не кажется,
     что мы нашли друг друга?» -

Ты так сказал,
     ты этого – хотел.

Я не жена тебе и не подруга,
 я – «вспышка», от которой ты балдел!
 И было классно все, как на экране.
 Мы отделись

    сплетенью тел и душ,
 горя в энергетической нирване
 и принимая после теплый душ.

Но что осталось в памяти – от «вспышки»?
 Мгновенья след и наши образа?
 Мы в резонанс вошли с тобой – и вышли.
 Так может Бог – один –

    глаза в глаза!..
 И оплывали снова,
     словно свечи,

в тихий солнечный терем,
где не жить никому, –
только сонным тетерям,
только мне – да ему.

Чуть качаются сосны,
хвойной влагой пьяня.
Все мне кажется, солнце,
ты не любишь меня...
Что нам вместе не светит –
отойти от огня.
Бьется птица бессмертья
в серой кофточке дня...

* * *

Стекают строки, как с руки
Стекают капли водяные.
А мы с тобою у реки
Сидим, обнявшись, как родные.

И время тянется тайком...
Ужо очнемся ли когда-то?
И напоятся ли глотком
Любви печальная прохлада?..

* * *

Червоточина грусти
Тает в темных глазах.
Милый впустит – не впустит
Иль отпустит – в слезах?..

В эти черные ночи
Цвета спелых маслин
Червоточина грусти
Тает в комнате с ним...

Я сбегая в простор...

Яркий хвост распустила весна и павлиньи
перья пьяной любви, и куриные
– слепой любви,
и пушинки безвесые
– первой любви распушила.
и снежинки изменной,
слегка захмелевшей в крови.
Лишь одну не раскрыла: голодную, добрую, злую,
одинокую, вечную и безысходную тем,
что, как будто бы ей
не свершиться земным поцелуем,
лишь, краснея, раздеться,
в признание светлое – стих...

Где-то страшные страсти,
пышнее, ползут по паркетам.
У каретных столбов затуманены утром следы...
Это старые раны романов иного столетия, –
поливай их из крана струями холодной воды!
Береги свои нервы, потомок Надежды и Веры,
от которых остался лишь сброд сексуальной ботвы!
Так, в смешении лет, продаются Мадонны и Стервы.
После смерти – одни,
а другие, как видели вы...

Видно век високосный. Любовь, да не та достается.
Нет единых полотен. Лоскутья шивая, дрожу,
как бы мне не остаться на голом ветру одиночества
и не впасть в эту пропасть, какую – я после скажу...

Будет больше лишь швов и темнее, теснее дорога,
много маленьких троп и отчаянный сгиб – волосок.
Потому, дорожа своим первым любовным уроком,
я сбегая в простор никогда не стареющих слов...

***

На руки твои музыкальные,
словно покрытые шерстью прозрачной,
смотрела я тайно. И что ж я увидела там?
Все линии жизни, как молнии – так же случайно
делили на части ладонь твою! – Напополам
так зеркало делит твое или чьё-нибудь счастье,
так женщина требует полную чашу – отдать.
Так тают созвездья, а я так гадаю, мой ангел, –
За это на свет тот снесет меня, Бог, благодать...

Соблазн

Ты, мой коварный соблазнитель,
большой любитель дам и дев.
Тебе, конечно, нужен зритель,
который смотрит, обалдев,
как торжественно чаруешь
чужую прелесть на виду!
Я раз единственный совру лишь,
как ты меня имел в виду.
Да, это было, было, было,
и я попалась на уду,
и все торжественно забыла:
куда – откуда я иду?
И закружилась как в наркозе,
моя дурная голова,
и я, в какой, не помню, позе,
шалые слушала слова!..
И так хотелось мне греха,
что перестали уши слышать
и вброд пошла моя рука,
но я, увы, не стала выше,
когда отрезала, ушла.
Зачем тогда была красивой
и то, что было – не взяла,
и кто поймет, что это – сила?

***

Теперь смотрю, как мой любитель
уж выбор делает иной.
И мне отчетливо обиден
роман, не сыгранный со мной...

Ты моя находка,
ты моя ошибка,
как без весел лодка,
без иголки – нитка.
Ты моя отрада,
и моя обида,
я тебе не рада,
и тобой не бита.
Ты меня не гасишь
и не разжигаешь,
ты меня не красишь,
но и не пугаешь.
От себя не гонишь,
и к себе не тянешь.
Ты, как мед и горечь,
и другим – не станешь.

Ты приходил!..

Ты приходил, я радость обращала в боль!
Чтоб скрыть кокетство, делалась хозяйкой
и предлагала чаю, как жена,
как в модном доме.
Ты сидел и жался..
Мне было жалко предлагать любовь.

А под порогом карта «пик» лежала,
и не о чем нам было говорить.
Я изнуряла слух твой искушенный
чертами мысли, –

были в них – штрихи владелицы,
и честной и несчастной,
чтоб, не считая комнат, смог бы ты
почувствовать мой ум незаурядный,
как мне казалось, логику и слог...
А ты смотрел, как двигаются ноги
под шелковым покровом наготы,
твердил «Ты – женщина!..».
Я улыбалась много и все ждала,
чтоб здесь остался ты...

Разговор

Приди, милый, отворю,
нежных слов наговорю.
Шарфик с шапочкой сниму, -
нежно обниму.
Снегом пахнешь или нет?
Ты – в окошке белый свет,
тьма внутри меня самой.
Ты ли, милый мой?

– Ну, садись. Зачем пришел?
– Да вопрос есть – не решен:
замуж за меня – пойдешь,
если подойдешь?..

– Нет уж, милый голубок,
вспять заматывай клубок!
Я другого подыщу,
если не прощу...

– Да уж, милая, простишь...
Может, лучше угостишь?
Я ж тебя не потерял, –
просто – проверял...

***

Милый мой, голубоглазый!
Ты душой ко мне прикинь.
Я года глотаю разом, –
Ты – растягиваешь миг.

Я смеюсь и горько плачу, –
Ты – спокоен, словно слон.
Я тебя – переиначу,
Если твой приму уклон.

Я в краях твоих – безбрежна!
Ты в краях моих – прилив.
Если я страдаю нежно,
Ты уж – грешно озорлив...

Знаю я, что, если рядом,
Ты меня – не сбережешь.
Я люблю тебя – не взглядом.
Ты зато – в любви не лжешь...

***

Я к тебе движеньем обреченным
Брошусь камнем – выскажусь рукой -
В прорву ту, очерченную черным,
Заслонив дыхание рекой.

Не спасай! С любовью неумело
Ни шестом не сладишь, ни кнутом.
Только знай, что я любила – смело,
Как меня полюбишь ты – потом.

***

Благодарю, святой и грешный,
За снисходительный восторг!
За это ль мой талант воскресший
Фонтан стремительный исторг?

За что? За это ли? – За это.
 За то, что есть, за то, что жив.
 Дай откровенностью поэта
 блистать, оружие сложив.
 Сияй, победой озаренный!
 Вот мое слово – яд и мед,
 уже душою воспаленной
 к истокам новым позовет!

Бурный, ласковый...

Бурный ласковый течет
 Твой ручей нерукотворный.
 Что меня к тебе влечет?
 Что за мед, скажи, проворный,
 с розовых и красных губ
 не дает тебе напиться?
 Ну, еще меня пригубь...
 Прикасаешься, как птица
 к небу, к берегу – волна.
 Почему-то мне не спится.
 Чтоб тебе в том море сна –
 не со зла – да утопиться!
 Жажда горькая долин
 Мучит тайные ущелья,
 в них тепло, в них вожделенье
 разложило мягкий блин,
 и замасливает ленью
 воспаления...
 Прилив
 проникает в испаренья
 кожи нежной, кожи слив,
 кожи яблок, кожи дрожи!..
 Не могу! И ты – можешь.
 Дно пробей мне, брат мой, риф!

Гипноз

Я хочу получить гипноз,
 Твой горячий сухой гипноз!
 Я в него ухожу, как в сон.
 Мне в безмолвии снится слон...
 Я в гипнозе твоём плыву.
 Над волнами белеет нос.
 Криком птицы тебя зову
 В затянувшийся мой гипноз.
 Расползается клеток клей,
 Я на сотню распалась тел.
 Это явь превратилась в блеф.
 Сколько мне – я не помню – лет?
 Превращаются звезды в соль.
 Растворяется соль – в воде.
 Гипнотический длится сон,
 Я тебя потеряла – где?..
 Но сложился огромный рост,
 Из-под ног показался пол
 И закончился твой гипноз
 Лбом – со сна –
 о бетонный столб!..

Я уходила в город сгорбленный...

Плыла машина среди жемчуга.
 Был город холоден и тих.
 Тебе с кассеты пели женщины,
 Но ты уже не слышал их...
 Лишь заглушило «Я хочу тебя!»
 Твое дыханье у руля.
 Иль это мне только почудилось?
 И поплыла... земля...
 – Да, я хочу тебя, как женщину,
 Тебя, как женщину – хочу!
 Ты отдавал свое блаженство мне
 И плыл губами – по плечу..

Ты делал все, как черт, расчетливо,
 Как зубы в яблоко вонзал!..
 Я помню все, и даже что ты мне
 Лишь на прощание сказал..
 Твое «Пока!..» сдавило горло мне
 Предощущением тоски..
 Я уходила в город сгорбленный,
 И он шумел в мои виски!..
 Плыла машина среди жемчуга,
 Был город холоден и тих..
 Тебя всегда любили женщины,
 И я была – одной из них...

Поздняя любовь

Я не колдунья, не мертва.
 Ну, словом, женщина.
 Куда ты?
 Как ветер дунул, голова
 Седым цветком смахнула даты!..

Ты не заблудишься в лесу,
 И у тебя – весомый довод.
 Постой, я чаю принесу,
 Качая в чашке тихий омут.

Все позабудется потом,
 И ни о чем никто не спросит,
 Как ты вошел сегодня в дом,
 Мой первый снег и бабья осень...

А утром в белую метель
 Я провожу – держать не буду.
 Лишь застелю свою постель
 И, молча, вымою посуду.

Меня – никто не хочет...

Вот клекот – от авто и до авто,
 и пыль щекочет..
 Меня никто не хочет! Как – никто?
 Никто меня – не хочет.
 Ну, вот и всё.

Я нелюбима всем!
 Я сею очи – на то, на сё..
 Я – ни при чем.

Я очень – люблю себя,
 а, впрочем, не совсем..
 Когда в пол – нёба
 зреющий аккорд клокочет,
 меж мной и миром где-то черный вход,
 пропахший мглой и сывороткой ночи..
 А черный выход – в яблоне одной, –
 той, что пролезть корнями в землю хочет,
 чтоб быть белее самых прочих тех –
 культурных яблонь из плодовошторга!

Они несут румяные плоды!..
 Все будут их руками важно трогать –
 перебирать, а с признаками порчи –
 откладывать..

Офелия!
 А ты – дикарка. Сбрось все плоды!
 Когда мороз в багрянец твой вонзит
 мизинец тонкий,

будет птичий пир!
 И песен нотная метель покроет пухом
 косточки всех пальцев,
 играющих на арфе пышных струн!..
 Бог снизойдет к тебе

и скажет «Здравствуй!»
 И зазвонит казенный телефон..

***

Мокнет в белой метели
солнца – яблока мед.
Мы с тобою – как тени,
что уходят под лед...

И в последнюю полночь
нас увозит авто,
где по улицам сон наш
бродит в белом пальто...

Плод Новый год

Все на свете полно – сине
обретает смысл весенний
в предвкушении веселья...
Синий свет в стакане стынет.
Дым – не дым, а душит нежно
твой зрачок, чернее черной,
самой чертовой дыры!

Я люблю тебя, конечно,
чуть оплошно и кромешно,
но – отгалкиваю нежно,
тоньше елочной иглы,
горше дури обреченной...
Нервом клавиши точеной
звук, из недр извлеченный
пал на острые углы.

Пал на грешные лопатки,
в волосах сплетаясь сладко,
как смолы янтарной капли,
речи плавно потекли...
Ты, – единственный, как случай!
Отпусти меня, не мучай.
В ночь я выплесну остатки -
те, что сладки, как смогу.

Их подымет ветер злочий,
Ах, гвоздички! Снег колючий
на щеках оставит складки,
будто борозды в снегу...

Крыжовник

Ветер щеки выгладил,
Зарумянил зной.
Меня милый выглядел
В зелени резной
Стал он тихим шепотом,
Птицей в облаках,
Зеленым крыжовником
Ягодой в руках!..

Кожура крыжовника -
Тоненька нить
Обмотала бусинку,
Чтоб не уронить.
А когда изжевана,
Терпкая, томит,
Кожура крыжовника, –
Сладкая на миг!

Испуг

Первый раз я тебя напугала,
ты смотрел на меня сквозь очки
и зрачками по комнате плавал,
и бумажку кроил на клочки...
И курил безрассудно, и ноготь
чистил, сев в ожидании звонка.
– Ты не бойся, не больно!..
– Не трогай! -
только дрогнула к сердцу рука.
Растворился на площади вечер,
где – то замерли стрелки часов.

Ты ответил мне. Охнула вечность.
Мир сомкнулся меж двух полюсов.

Перекрестный троллейбус споткнулся,
растворился осенний озноб.
Мне смешно, омерзительно, грустно
От твоих незатейливых слов.

Я тебя поняла...

Не нарушу
то, что яблоком зреет в цветку,
и твою охладевшую душу
я оставлю в холодном поту!..

И губу, свою нежную дуру,
закушу, безответно любя,
и рожу, и испорчу фигуру
от тебя,

от тебя,

от тебя...

Душа с природой

*От суеты, от буден отрешись,
взгляни на небо: голубой прохладой
и нежной белизной печальных облаков – дивись.
Оно всегда, плывущее над нами
и новизной чарующее нас, неповторимо...
Времени теченье в нем, кажется,
свой облик обрело.
Таинственности странное сплетенье и красоты –
все в нем слилось.
Моя душа и тело
частицей стало Вечности самой...
Вот так бы жить, забыв земные муки,
и постигая мудрость Красоты,
в бездонном небе обрести Свободу...*

Сосна

Янтарные слезы роняла сосна,
как будто грустила о чем – то она.
Возникнув а сломанном кем-то сучке,
две капли ползли
по шершавой щеке...

Два солнечных слитка ползли и ползли,
и вскоре застыли – у самой земли.
А сук, что недавно хвоей трепетал,
уже посерел и безжизненным стал...

Прошло много лет. Я вернулась к сосне.
Да где ж она плачет? В какой стороне?
Ну, как тут узнаешь, – вокруг той сосны
младые сосенки стоят, зелены.

Вот милое чудо: ломали ее,
а вышло – иначе,
как счастье мое!..

Ночь

Луна, отекая от горя,
Задержав тучи, сон звала.
Но тишина ночного моря
Ее безудержно влекла.

Откинув полог колыбели,
Она коснулась чуть волны.
Мы никогда так не робели,
Очарованием полны...

Ревнивец неба одинокий
Слезу божественную пил
И проливал на лес далекий,
Как будто сотни лет копил.

Обняв луну, дышала влажно
Все понимающая ночь,
И было ей совсем неважно –
Кому заблудшему помочь...

Дождь в лесу

Как щенок беспомощный,
Лес стоит озябший,
Жадно просит солнышка
И скулит просяще.

Я бы все ему дала,
Я б его согрела.
Только кофточка мала, –
Вот какое дело!

А березовый платок
Бахромой своей намок,
И летят с него желтки –
На кленовые платки.

Туча смотрит пасмурно,
Слезы льет сквозь сито,
Язычками красными
Ловит их осина.

Вся на цыпочках – туда,
Где в прямые полосы
Дождевая борода
Распустила волосы.

И сползает, уходя,
Поредевшим лесом...
С ветки капелька дождя
Обронила весом.

Засверкала на лету,
 Вся лучом пронизана,
 И растаяла во рту,
 Сладкая, капризная...

Лес зажмурился в тепле,
 Как щенок лохматый,
 И помигивает мне,
 В руки сунув лапы.

Лето

В жизни разные ремесла,
 Счастья пестрые полотна,
 И плывут по свету весны,
 В листья кутаясь неплотно.

За клубами голубыми
 Пересохшими губами
 Жажды жаркие рабыни
 Просят дождичка с грибами.

Вышивает луч прилежный
 Травы шелковые гладью
 И, такой шальной и нежный,
 Раздувает ветер платья.

Одуванчик мнет в ладошках
 И – бежит до спелой нивы,
 Где покрапывает дождик –
 Вестник осени ревнивой.

И уже не сад зеленый,
 А шумят садов метели,
 И выходи в пот соленый
 Год, которого хотели!..

Прощание с летом

Желтые листья
 сброшены ветром.
 Гордые ветви
 медлят с ответом:
 Все в мире тленно, –
 счастье не в этом.

Снег им не плечи
 лег эполетом...

Листва прощалась
 с червонным летом,
 луковкой спелой,
 лукавым ртом.

Осень.
 Брусника горит браслетом
 тонким гранатовым
 – в золотом...

Рябина

Как глаза слезой рябило, –
 Не на радость, на беду,
 Потому к тебе, рябина,
 Через поле я иду.

Научи меня, рябина,
 Горечь прятать в глубине,
 Помоги, кого любила,
 Отлюбить навеки мне.

Помоги от слез напрасных,
 Как от клятвы, отступить
 Гроздя губ, горячих, красных,
 В холод снега утопить.

Лилии

Я помню сон: всплывали лилии
и распускались в тишине.
Стеблей божественные линии
плутая, путались во мгле...
И эти лилии дурманили
их запах чудился – везде.
Плыл белый бал в туманном мареве
принцесс волшебных по воде...
Мне все казалось – плыли лилии,
а оказалось – я плыла.
И эти лилии манили
плыть еще дальше – вглубь стекла!..
И я плыла в стекле расплавленном,
оно густело, как могло,
но к стеблям лилий обезглавленных
меня уж больше не влекло...

Настала явь и пробуждение
И, нет – ни музыки, ни слов:
а на груди, как наваждение,
охапка лилиевых голов...

* * *

На дне огромного моря – синие огоньки.
Ровные, ровные рыбины
с комнатными глазами
в тонком подвижном мареве
всплывают в ночи пучину...
Словно цветные водоросли,
отсветы букв неоновых...
И возникает замысел ночи твоей, Садко...

Василек

Здравствуй, мальчик синеглазый,
Гвоздик синий, василек!
Не для клумбы, не для вазы
Твой зеленый стебелек.

Прорастаешь средь пшеницы
Ты зловредным сорняком,
Жжешь соломенные спицы
Темно-синим угольком.

Знаю я, что будет сорван
Твой зеленый стебелек.
Но зато – не будешь сором, –
Это лучше, василек!

Весна

Все спит еще под снегом,
Но скоро день придет:
Посмотрит солнце с неба. –
И землю отомкнет!

Лучами золотыми,
Как ласковой рукой,
Погладит по пригорку. –
И сразу снег – долой!

И на пригорке влажном,
Весь трепетно дыша,
Появится подснежник -
Весенняя душа.

И сразу все воспрянет,
Проснувшись ото сна,
И зазвонит повсюду:
Весна! Весна! Весна!

Сирень

Только звезды лукавые всплыли
В фиолетово – синей дали,
Мы на лодочке тихо поплыли
За сиреневым даром земли.

Там в серебряном белом тумане,
Чтобы мир стал на время серей,
В фиолетовом тихом дурмане
Расцвела неземная сирень!

Дай упиться той дикой сиренью
И до боли ее наломать!
Бродит в сумраке преданной тенью
Чья – то старая добрая мать.

Только скрылась она за калиткой, –
Будто памяти темная тень,
Мы сирени роскошные слитки
Набросали на старый плетень...

Руки-ноги в пути искололи
По тропинке крапивной крутой,
И бежали, не чувствуя боли,
Ни своей, ни чужой...

Где – то крикнул петух за рекою,
Утро вынуло луч из ведра.
До сих пор не находим покоя
От того, что случилось вчера.

***

Сирень, сирень. Какое наслажденье!
Ты расцветешь роскошной, неземной,
Прервав весны земное пробужденье
В стеклянной вазе с комнатной водой...

Подснежники

Не хлебнувши солоно,
Не дождавшись зелени,
Отошли подснежники
В небеса весенние...

Стало тише омота
На суровом севере.
Посерело золото,
Не уйти от времени...

Синева по желобу
Прудит воды вешние
И наводит шороху
На леса далешние.

Не хрусти валежником, –
Даже слову – олову
Не найти подснежников,
Потерявших голову!..

Встреча с лесом

Я лес при встрече поцелую,
Привечу ягоду в руке,
Примечу белую, былую –
Свою березу вдалеке.

Потом послушаю, как шорох
Считает лес по пяточку,
И солнца луч в зеленых шторах
Скользнет, сверкая, по зрачку!

Под хряст и хруст сосновых шишек
В большом сияющем бору
Замечу маленьких мальчишек,
И белый гриб – не заберу.

И земляничинок – веснушек
С лица опушки – не сотру.
Во мху утонут, как в подушке
Подошвы завтра поутру -

С рассветом дня...
Я встану рано,
Пойду на встречу – побегу!
И поцелую лес, как рану,
Легко доступную врагу.

Менские портреты

Пустые бутылки

Шла женщина рядом –
 обычной прохожей.
 Могла казаться еще молодой,
 Могла бы казаться хорошей, пригожей,
 Но шла она рядом –
 с обычной бедой.

Она не могла похвалиться нарядом, –
 Простая одежда, простое лицо.
 Пустые бутылки несла она рядом,
 В стекло ударяясь, звенело кольцо.

Звенело о том, что замкнулось,
 не сбывшись,
 Комочком терпения,
 слезным глотком.
 Но шла она – гордая,
 будто забывшись
 В своем унижительном горе таком.

А счастья хотелось,
 так страшно хотелось!
 С ожившей мечтою
 светло и легко
 Оно еще пелось, светилось, летелось,
 И было – так близко,
 и так – далеко.
 Любовь изнывала,
 измучена болью.
 Голодная, жадная, битая – вдруг
 Она становилась нежнейшей
 любовью
 С тревогами сердца, заботами рук.

Ведь счастье могло быть!
 Но так уж случилось,

Что доброе сердце досталось слепцу,
 И женщина
 слишком легко поручилась
 Покорностью рабской
 слепому кольцу.

Вот так – у слепого кольца на приколе
 Несла – некуда больше девать! –
 Свое безысходно соленое горе –
 в дорожных бутылках-
 За деньги сдавать!

Карина

В колодцах глаз твоих косматых
 тумана больше, чем вранья.
 Ты губ не красила помадой,
 не целовала соловья...

Сама, как лилия, смыкала,
 одежды легкие края
 и улыбалась так лукаво,
 как не смогу, конечно, я...

Глаза в египетском изгибе,
 точеный профиль, мрамор щек.
 Кому-то создана погибель,
 кому-то – девочка еще...

Сама надломленность и слабость!
 Душа, как льдинка, холодна,
 так рано испытала сладость
 и вкус запретного вина...

Еще любить не научилась,
 а уж надломлена, пуста,
 в колодцах глаз твоих открылась
 дотла сгоревшая звезда...

Пышка

Ты такая красивая, полная,
Как матрешка в калашном ряду,
Как кустодиевская мадонна,
Шелестящая в книжном в саду.

Ты стесняешься тела белого,
Когда хочешь раздеться, лечь.
Я с тобою такое сделаю,
Что не выдержит наша речь!

Я мечтал о тебе, как мальчик,
Как несбывшийся рафаэль!
Я боялся тебя запачкать,
Когда ты открывала дверь.

Здравствуй, милая! Баба, пышка...
Словом, женщина, хоть куда!
Ты как спелая вышла – вишня
И горячая, как беда.

Не стесняйся ты тела белого
И расслабься, как будто транс,
И прими меня, обалделого,
В свой полон, как в последний раз!..

Бабы с данными

Говорят, что бабы – нежные,
Не капризные, а так:
Как снегурки белоснежные
В облицованных летах.

Как чугунки пустозвонные,
Будто тело – пустобрех.
Ходят бабы благовонные,
Подбородки прячут в мех.

Под дубленкой – кожа цыпками,
Сохнут цыпочки во сне,
Говорят, что бабы – сытые,
А они, похоже, не...

Не сверлят глазами – лупами,
Прячут в скулы интеллект,
Говорят, что бабы – глупые,
А они, похоже, нет.

Ни одна в кулак не прячется.
Замуж хочется, хоть вой!
Ни одна за спины прячется
По широкой столбовой.

А вернется кто-то с дальнего –
Растеряется душа!..
Говорят, что бабы с данными
Все не стоят ни гроша.

И плюют на них насмешники,
А они по ним – стенать,
Как помятые подснежники –
В четырех стенах...

* * *

Избавьте сердце от мучений,
Накиньте розовый платок.
Не надо мудрых изречений,
А дайте мужества глоток!

– Не плачь, пожалуйста, ну, мама,
Та лучше сказку расскажи...
Как иногда бывает мало
Для сердца надо, для души.

Нормированный расход чувств расписан,
 как бюджет у скарредных предков:
 сегодня у них жар божественный –
 завтра – холод в ледовой клетке
 В заветной сумочке – программная эпопея,
 биоритмы, пилюли времени,
 похожие на коконы тутовых шелкопрядов.
 Женщин много – изящных, преданных.
 Нет только женщины – тайны...
 Диалектически возвращаются
 роскошные туалеты.
 Их меняют раз в день на литое платье,
 похожее на перчатку
 в облегающем силуэте.
 В этом платье – нет силы трения,
 – оно в лифтро
 вдохновляет всех на чудные пируэты!
 Женщины выглядят,
 как пластичные статуэтки,
 как фарфоровые сокровища
 в гигантской шкатулке города.
 Освобожденные от рабского ига Дома,
 они становятся разностороннее...
 Соблюдая каноны Времени,
 точно два раза в жизни – беременны.
 Их оптимальные дети
 в смешении рас и наций
 настолько разнообразны,
 насколько это позволено обществом,
 не допускающим больших отклонений.
 Обязательная, как прививка от рака,
 биография в информсейфе
 дает мужчинам право на выбиравание...
 Единственное в приоритете Женщины –
 отклонить чей – то запрос.
 В двоичной системе выбора она –
 «свободна» – «занята»,
 и больше – никаких состояний –
 третьих, десятых, сотых.

Но вдруг что--то испортило
 алгоритмическую конструкцию
 в пределах выбора свободных альтернатив!
 Что это пишет девушка
 на вводном пластике,
 неритмично подрагивая?
 Грифель сжимая, она написала – стих.
 Это словесное изваяние
 гадким утенком проникло в сейф,
 и после многочисленных преобразований
 «Занята!», «Занята!», «Занята!» –
 засветилось на экранах
 индивидуального потребления.
 Ее оценили по шкале Йарольца выше всех!

Пестро мелькая, дамы века
 в своем косметическом свечении,
 шипя гусынями,
 отвернули головы от мисс Богини,
 позднее, верно, погибшей
 от вечного трагического совершенства...

Мадонна

Ты спал на бархате волос,
 А я мочила лен,
 Ты был в ту женщину влюблен,
 Она была – из роз.

Она, как яркая звезда,
 И вороним крылом
 Тебя укрыла, как могла,
 От света за углом.

Мы с нею – истина и ложь,
 Как небо и земля,
 Всегда с тобою – тень и плоть,
 И кто из нас – твоя?

Секретарша

На груди канцелярской девы –
 чей-то засаленный поцелуй,
 как от амброзии аллергия...
 Губы – подлунный блуд –
 глупые георгины:
 в темно-вишневом бублике –
     колышки белых лилий...
 Вряд ли такое выдержит
     будущий зам Могилов!
 Глаз неморганье вымучив
     мумия Нефертити,
 мумия точно выучит,
 когда войти, выйти...
 И в подворотне случая
     схватит его «Ах, милый!»
 Все вы боитесь женщину
     от сотворения мира!

Полночица

Оторваться к тебе от постели,
 теплой полночи, сладкого сна,
 поднести, что доесть не успели
 и спить, что с утра припасла?..
 Вроде, поздно... А встать удается
 не тому, кто привык получать
 Словно шмель, наш будильник взовьется
 ровно в шесть!
 А придется – ворчать
 и скрипеть до утра половицей,
 слушать струйку и шорохов тьму...
 Ты – рука. Я – твоя рукавица.
 Будет холодно спать одному.

Кухонная курица

Не к полночи крайней заря остывала,
 кровавые слезы лия,
 а к утру, – на теплой кровати
 ты змием упрямым
 мне гордо тылы рисовал!
 Чтоб я не вставала и не одевалась
 в красивые платья,
 лишь кухонной чернью
 склонялась к тебе на плечо!..
 А мне-то от счастья такого
 так хочется – плакать,
 а я тебе в путь бутерброды с икрой сую
 и пялю глаза – незабудки
 в квадратные форточки окон,
 даю наущенья, каких только слов не пою!..
 Хотя сознавать мне,
 как женщине, плохо и больно,
 что лишь о любви тебе губы –
 чужие шепнут...

Удалая, огневая

Удалая, огневая,
 Да ничья теперь жена.
 Всю себя не узнавая,
 Ходит по миру она.
 Все имела, как хотела,
 Век живи, да два – тужи.
 Отдавала только тело,
 Но не тратила души.
 А теперь – и сердце сжало, –
 Слезы – чистая вода.
 Не любила, не рожала,
 Не жалела никогда.
 Никого не согревала,
 Ничего не берегла,

Ни о ком не горевала.
 Где ты, молодость, была?
 Удалая, огневая
 Много выпила вина
 И теперь, едва живая,
 Горе черпает со дна.
 Похоронят и не спросят,
 Кто любил, а кто забыл.
 В поле бродит бабья осень
 То ли небыль, то ли – быть...

Восьмиклашка

Мягким телом дебелим
 владела одна восьмиклашка.
 Ее мать откормила
 с пристрастьем мучным и соленым.
 Темно – рыжие волосы,
 алый стыдливый румянец, –
 молодая Мадонна с портфелем
 и в фартуке черном!

Белый хлеб в натюрморте
 и яблока спелого дольки,
 а на яблоках – мёд,
 молоко на губах не обсохло,
 на салфетках отглаженных
 вышит божественный ландыш,
 и сосет аппетит
 героиню торжественно ранний!

И вот так она ела,
 и знать ничего не хотела,
 кроме двух интегралов,
 и в трех исторических датах
 преспокойно блудила,
 как в скверике дама с собачкой.

Трясогузкой ее называли
 балдежные мальчишки!
 Она тайно читала Дюма
 и в мечтах их спокойно имела...

Но однажды какой-то чудак
 усмотрел в ней Джиаконду!
 В этих мягких губах столько прелести,
 столько земного спокойствия...
 В этих сладких глазах столько солнц золотится,
 как в восковых сотах!
 И с упорством он начал мечтать,
 и рассказывать первому другу
 о ее лебединых красотах.

Друг был вовсе не враг, не дурак,
 и от скуки зеленой
 он Джиаконду украл,
 чтоб потискать ее на балконах.
 Так любовная клеть
 создает по углам треугольник, –
 куй, пока горячо,
 пока волею дня – не покойник!

Будет жарко дышать
 в эту ночь молодая девица,
 будет гордо страдать
 обжегоренный другом парнишка,
 будет долго ходить
 этот друг по ее половицам,
 и к десятому классу – к стыду ли?
 – ребенок родится!

Дочь

Красива, образована,
Одета, как в кино,
А сердце – расфасовано,
Неважно, что одно.

В кого такая яркая?
Чертами все же – в мать.
А та была дояркою –
Хлопот не занимать!

Уехала красавица, –
Попробуй догони!
К земле не прикасаются
Холёные ступни.

Изведала замужество,
Осилила диплом,
Но помогло не мужество, –
Все тот же – отчий дом.

Теперь уж независима –
Друзьям своим под стать.
Глаза глядят завистливо
На то, что не достать!

И знает мать, что дочь – черства,
Но шлет ей письмецо,
Легли от одиночества
Морщины на лицо...

А той – легко красу вести,
Ее попробуй, рань!
Хотя, сказать по совести, –
Зависимая дрянь.

На подбородке ямочка,
Смеется, весела!..
А в ту минуту мамочка
В деревне умерла.

Разное

Смена эпох

Ворон каркает, черный ворон,
будто падалью пахнет небо.
И покрепче, чего бы не было,
он в сюртук забивает тело.
Перья, перья скрипят, лишь светом
озаряется новый день!
Чистит клюв вороненок скрепкой,
на бумагу ложится тень...
Трудно крупному воронью
в клетках с кнопками – на плаву.
Им бы мяса порвать на воле,
им бы – крови, да не зовут!..

Ворон каркает – тише, тише,
голос падает на ходу...
Где – то там – из чиновной ниши
голос слышится – какаду...
И чириканье там и трели,
всюду – разные голоса.
Только вороны – не допели
и не вынесли образа.

Ворон черный, чернее ночи,
знамя скручивает в углу
и вождей златоглавых очи
заворачивает в полу...
Будет ворон вороной белой,
будет голубем, снегирем!

Знать, от стаи той погорелой
Крепче спрячется воронье...

Время – наледь...

Время – наледь. В бронзовых морщинах
результат житейских нервотрепок –
после тех, когда возник ребенок
и уже вот – вот, гляди, подымет
над щекой задорное копытце,
чтобы выбить старческий румянец
милым хамством, что сильнее плетки!..
Но орудием любовной пытки
выбирает новые оковы материнство –
круг своих знакомых. –
там, где стелют – самобранку
и несут отъявленные яства.
– Сядь-ка с нами, – не гневи начальство...
В этот час (не стоит обольщаться),
правильный, заботливый ребенок
принесет салфетки и колонки,
и настроит сеть магнитофона
под киванье уличного клена.
И слегка, с иронией улыбки
усмехнется над слезливым дядей,
что дрожанье рук от песни прячет,
как в шкафу – медали за отвагу.
Может, он когда-то станет принцем,
оторвав сиденье от пеленок,
и поступит в ВУЗ, идя на принцип,
это процветающий ребенок...

Разойдутся гости, и, не смея
выйти после кухни на прощанье,
прислонится к косяку старуха,
повздыхает тихо, вспомнит друга
и с тоской откажется от чая...

Поэты-диссиденты

Тебя природа обделила
и наделила вороньем, –
каким-то черным и стокрылым,
как те чайники над столом...
Они качаются – кувшинки
в пруду чифирном...
Все равно мы пьем и жрем.
Как это мило! -
пока на простынь не прольем...
А воронье качает дымом.
В глазах – два перышка крыла,
два черных солнца деловитых.
Ты врешь, а я не умерла.
И мне обидно, что ты – лирик,
стихи строчишь – который год?
Уж столько прелестей унылых
спеть от кримпленовых погод!..
Не правда ль, я тебя слыхала
на белой простыне богов,
изваянной дыханьем ада,
рекой блаженных берегов, –
вдали от милых!..
Крик – то вышел,
где так – без дыма пьют огонь,
чтоб изошренный воздух – вышел
и вороным ушел – к другой,
где прячет бес бесценный лишек
от всех облизанных богов
и атавизм свой колышет
который год, который год,
неизлечимый неприлично
в кругу округлых дураков.
Незрячим – не дано провидца,
свободе – роскоши оков!
И ты найдешь свою страницу,
где всплыть – не всякому везет.
А незаконную жар – птицу
шершавый селезень сгрызет...

О цензуре поэзии 80-х

Стоит критика дозором,
знать не дура, а губа.
Все равно выходит с сором
баснописная изба.
Из нее сегодня хором
не выносят – вот беда!
То прохрюкает там боров,
то поет бели-берда.
Там сейчас не до озона:
тихой сапе – закуток,
половичку – сизым совам,
а остаток – на восток.
Пол – избы – на юг и запад,
а на север – хоть свисток!
От эзопов и казахов,
глядь, завьется завиток.
То – ах-ах! Дебют и соло,
обалденно в пол-листа,
не под статью суровым совам
неподстрочная глиста!
Все по совести – по зонам,
все, как видно, неспроста.
Кафель выложен узором
в честь Великого Поста...
Где с утра ква -квохнут куры,
преют дружные пиры
и снуют по коридорам
все задорные мурлы,
Лишь один ворвется вором
с той кудыкиной горы,
где дрова от чистой своры
растрясает во дворы...

Пародии про Курочку Рябу

Как у Пушкина

Волшебный край!
Там в стары годы,
воздвигнув Рябе пьедестал,
старик старухин – друг свободы
яйцом пленительным блистал!
И тайные бросал укоры
на неразбившийся овал...
Увы, не ножку Терпсихоры
случайный жребий заковал
разбить яйцо!..
А мышь бежала
хвостом задела,
и упало
на пол златое яйцо...
Черно старухино лицо.

Как у Есенина

Уж за рекой заголубели доли,
когда старуха дрогнувшей рукой
взяла яйцо, снесенное в подоле
в кустах багряных
курицей Рябой.
Ужель оно, ужели золотое?
Ну, и пускай, пускай себе лежит,
пока старик не снес в кабацкий омут
или не выкрал израильский жид...
Но час настал, когда заря на крыше
посеребрила ветром тихий плес,
проснулся дед, яйцо прогрызли мыши,
а скорлупу бродяжий дух унес.

Как у Крылова

Старуха мыслит: – Мне яйцо
с негожей птицы взять пристало.
Оно златое!
Шасьт – достала – и бац!
Яичко об крыльцо!
Оно не бьется, деда чистит,
то так, то эдак сядут в ряд.
А дед свое, покуда, мыслит,
что, врезав курицу,
он в ней достанет клад!..
Пока старуха голосила,
старик, не побоясь греха,
зарезал Рябу – раз!
И вынул
одни пустые потроха.

Как у Маяковского

Было.
В избе безалаберной,
там где старик и баба,
как-то, совсем вне графика,
снесла яйцо Ряба.

И узколобо вылупясь,
с соломенного погоста
прокрякала:
– Накось, выкуси,
на пробу яйцо по ГОСТу.

Где фининспекторы, профессора?
Откуда взяла, где, мол?
Выдай, Рябочка, на «ура»
яиц золотых невод!

Но тут мелкобуржуазная мышь
возникшая из щели дерева,

комиссии по разбиванию
сделав «шиш»,
смахнула, вы думаете, чем его?!
Извиняюсь за выражение, хвостом.

Старик отлетел в амбицию,
крича «Старуха! Прошу Христом,
Смени-ка мне амуницию...

Соты

Мы равномерно поделили
Большое Время на куски:
часы, минуты и секунды...
Все чаще бьют они в виски,
растрачивая жизнь попутно
и загоняя нас в тиски.

Но как здоровый оптимизм
вложить в каноны «от» и «до»,
как нам неистово и чисто
построить для потомков дом,
когда включаться надо точно
в «ноль-восемь» – творчество и пыл, –
так до шести, а дальше – тыл,
уют домашний и корыто,
и о работе – ни гу-гу.
Детей воспитывать в урывках
и стряпать милому рагу.

Ну, кто, себя включая лично,
не нарушая колеи,
работать сможет аритмично,
как сердце и душа велит?
Вне «от» и «до», – всегда, всецело,
не прерывая ткани дела,
не раздражаясь ни детьми,
ни грязной кухонной посудой,
ни в дом входящими людьми?

На все Единое Жилище
мы наложили соты, соты,
и сотни их, и миллионы,
но мало, надо бы еще...
На Время соты наложили, –
в ячейках маленьких – не жизнь,
хотя ячейка есть семейство,
на все общение – сеть лжи.
Не пообщаться с милым мужем, –
ты для него жена, хозяйка,
не пообщаться с чужим мужем, –
все между нами этажи.

На мне ревности затменье,
я дорожу своим кулечком
зарплаты, дачи и работы, –
неизлечимы раны сот!
Свободой хочет кто заняться,
дай мне дорог, – и он бродяга,
над миром хочет кто подняться, –
дай денег мне, – и он подлец.
Дай мне любви, – и он развратник,
дай алкоголя, – и конец!

Над миром хочет кто подняться,
не нужно ни дорог беспутных,
ни денег жгучих, ни распутниц,
а нужно свой оставить След.
Но след большой ты не оставишь
В ячейках СОТ,

тебе не влезть
Концом булавки в лоно ловких
В бюрократической обновке,
В ячейках малых
глух и слеп, ты, человек!
Ни мощный телекс, ни стерео
Тебя не в силах разбередить,
Чтоб делал, делал,
что миру надо, чтоб не спал.

Ты сам, лишь только сам ты сможешь
Измордовать свои застенки
И ждать от жизни не зарплаты,
А исполнения мечты.
Зарплате никуда не деться,
И, хоть она разбухнет смело,
Тебе ни капли не наестся,
Ты ешь лишь то, чем платишь ты...

Несправедливо, жизнь растратив,
от пресыщенья умереть
в ячейке душной под минорный
и лживый аккомпанемент.
Детей впихнуть в свои застенки
не смейте, низкий человек!
Для восходящего бы мира
нам разгромить все стенки разом,
они тонки, но прочен разум,
и души наши – велики.

Агония цивилизации

От потомков останутся предки,
День ко дню прижимает уста,
Будто вновь прорываются ветки
Из пробитого тела Христа.

Атмосфера покоя и быта
В шелушении сплетен и стен,
Как бетонная свая пробита
Там, где ветер бессонный свистел.

Не от берега катятся волны,
Не от счастья болит голова,
И влюбленные – вечные войны –
Побеждают, погибнув едва.

В безрассудстве бездетности едки,
Муки холода – внутри утроб.
Калорийно, как чрево креветки,
Насыщается смертными гроб.

Телевидения мутные тучи
Предлагают живительный впрыск.
Миражи в ощущениях жгучи,
Ну, а чувствовать – это же риск!

Эти чувства... Они непонятны
Легче в шорох попасть шелухи,
Превращающей в трепет приятный
Все известные миру грехи.

Где-то тайна лежит мироздания,
К нам из Космоса тянется рок,
А беспечные наши создания
Шелухой запасаются впрок.

Видно, век быстротечных формаций
Разразится горячей грозой,
И беззубый дельфин информации
К океану покатит слезой.

Но, пока пребывает в прострации
Человек на погосте страстей,
Об агонии цивилизации
Нам осталось лишь ждать новостей.

Плохости

Скучают подростки,
не люди – наброски,
Дыша никотином
в мальчишеском лоске.
Все блага – на блюде,
а помыслы – плоски, –

Незрелые люди, –
пустые подростки.

Весь день подчиняя
слепому угару,
Скучают подростки
с бутылкой на пару.

Бренчат на гитаре,
впотьмах, в полусвете
В подъезде – не в баре,
не граждане – дети.

Ведь это же глупо:
с душевным обратом, –
не дружбой, а группой,
не делом – развратом.

Скучать в этой жизни
ну, разве не гадко?
И в юность – с ужимками
тухло и падко...

Ведь дела – по горло!
Такая запарка.
Вот только для дела
должна быть закалка!

Должна быть хоть жилка,
должна быть хоть струнка,
Во льду равнодушия
талая лунка...

Похоже, я – в крайность?..
Но где-то когда-то
С бутылкой на пару,
с окурком на брата
Уже не скучают,
а время сгущают,

За грамм героина
полжизни кончают...

Когда подрастает
бескрылое племя,
За каждое сердце
ответственно время.
За каждую душу,
– за каждое имя,
Ведь мы прорастаем
в грядущее – ими.

О счастье

Мы думали часто
на вольных уроках
А что это – счастье –
секундная кроха?
Красивая пленка
на теле уroda?
В чем счастье ребенка,
и счастье народа?
Оно – между нами,
оно где-то рядом,
Оно, как цунами,
обрушится градом!
Но ждать – бесполезно,
искать – безнадежно.
У бритвы – на лезвии
счастье возможно...
В нем – полная чаша
искусства и веры,
Работы большой
утолщенные вены,
В нем – подвига искус,
в нем Родины чувство!
Несчастливыми быть –
это просто кощунство.

Мы все одинаково
к жизни причастны.
Но, если мы все же
бываем несчастны,
То это неправильно,
это – неверно!
Мы счастливы тем,
что родились, наверное?..

У счастья есть тайна, –
она постижима
В горящей предельности,
в точке нажима,
На грани, на стыке,
у края обрыва,
На гребне сияющем
в лаве оплыва!
Она постижима
вершинами ветра,
Лишь сильному духу
порывом ответна,
И сердцу,
которое бьется салютом
В огне относительном
и абсолютном!

Ну, все.
Надо выдохнуть!
Счастье как тема
бескрайне трудна,
И всегда современна.
О счастье поэты
сложили тома,
А мне от него
не сойти бы с ума...

Не мещане

Мы стремились к вершине,
Быт презрев – не мещане.
Выбор в жизни свершили,
Было дело – в начале.

Были сессии, будни,
Время в ритме вращали,
Наши души – не студни,
И умы – не в печали.

В жизни – разные спектры
Мы зубрили ночами,
Совмещали конспекты
Со столовскими щами.

Шла «стипешка» рублями,
В битве в супер-вещами
Были мы не рабами
А вот это – прощали.

Мы к вещам устремились,
И рвались к ним, и мчали,
И, ломаясь, сломались
Под вещами-клещами:

Под платками, плащами,
Сапогами штанами...
Вещи нас развращали
И глумились над нами.

Вещи зависть будили,
Подстрекали, прельщали,
В люди мы выходили
Не умом, а вещами.

Столько силы вложили,
 Столько средств обращали,
 А когда-то мы жили,
 Были мы – не мещане...

Шаровая молния

Тучи преют порохом,
                   с гор летит гроза,
 Летний ливень с шорохом
                   рас-пус-ка-ет-ся...
 Небо рвется поровну,
                   распирает шар,
 Черный воздух вороном
                   выронил кинжал.
 Шаровая молния! -
                   Меч моим очам!
 Я с грозой помолвлена, –
                   искры по плечам!..
 По колено море мне, –
                   это мой причал.
 Шаровая молния,
                   – луч моим речам!
 Моим лучшим – молодость,
                   моим лужам – час.
 Шаровая молния,
                   где же ты сейчас?..

Встреча

Мы – дети двадцатого века,
 Мы встретились после разлуки –
 На миг!
                   И распахнуты руки
 Для искренней радости, смеха.
                   Шутя, накрываем на стол.
                   В плену анекдотов и сплетен
                   Лишь тем наболевших не встретим, –
                   Таков уж негласный устоя.
 Салатик, огурчики, нож...
 – Вам хлеба?
                   – Пожалуйста, ломтик.
 Веселый приятный кутеж,
 И стол от излишества ломит.
                   Нарядные гости извне, –
                   Наш круг уж успел разрядиться.
                   А истина все же в вине!
                   – Э, нет, газ-вода не годится.
 – Мне рюмочку, – только одну!..
 Отличная водка, – столица!
 Косеют, предавшись вину,
 До боли знакомые лица.
                   Как будто бы те и не те,
                   Как будто бы только устали,
                   Ведь каждый – в своей суете.
                   Все выпили. Ближе не стали.
 Уют. Полутьма, Полукруг.
 Пора бы уже расходиться.
 А лучше бы встретились «вдруг», –
 Случайно, нечаянно, близко...

В поисках истины

Душа к душе как отраженье
Стремится, времени назло.
Любовь – вот вечное движение,
Хотя не многим в ней везло.

*– Ну, что же ты, Судьба, ответишь,
где корень зла, в какой цепи?*

– Когда единственного встретишь, –
терпи.

Терпи, терпи, терпи.
И переделывать не сился,
Не гни в дугу, не подчиняй.
Упреков злых не сочиняй,
Хоть сам неловко напросился.
И пусть он мнит, что он – свободен,
Что он резвиться мог бы всласть,
Ведь в мудрой женственной природе –
Неисчерпаемая власть.

Своим теплом, своим уютом,
Терпением ежеминутным,
Непререканием, умом
Ты сохранишь очаг и дом,
Хотя тебе придется туго,
Но это – выход, и, притом,
Быть может, ты поймешь потом, –
Из заколдованного круга...

*– Ну, что же, Гордость, твой черед,
Какую истину разбудишь?*

– Боюсь, что все наоборот,
Его любя, ты делать будешь.
Но так скажу, что никогда
Я не смирюсь с второстепенством.

Будь независима, горда,
И действуй разумом – не сердцем.

Ты – Королева, не раба,
Себя цени и будь спокойна,
Что напророчила Судьба,
Для Королевы недостойно,
Ведь быть в прислугах у мужчин
Так унижительно, нелестно.
Не нахожу таких причин,
Чтоб оправдали раболопство.

Не плачь и душу не трави,
От жалких слез уходит сила,
А впрочем, больше от Любви,
Когда она невыносима.
Я, Гордость, так ее боюсь,
Хоть никому и не рабыня,
А, может, я напрасно злуюсь,
А может я уже Гордыня?..

– Свобода, что же ты молчишь?!

– Мой голос слишком безрассуден.
Я не люблю мирскую тишь
И нервотрепки серых буден.
Я не люблю цепей, оков,
И уз, и прочего лимита.
Да, я приветствую Любовь,
Но только чистую – без быта.

*– О, Мудрость, ты теперь скажи,
Ну отчего же люди бьются
В противоречиях, во лжи,
И так нелепо расстаются?*

– Ну что ж, отвечу, но ко мне
Вы что-то редко прибегали,
Назло себе, друг другу лгали
В неутешительной войне.

ЯРОСЛАВОВА СВЕТЛАНА БОРИСОВНА

Родилась на берегах Енисея, и целеустремленность, напор ее характера со временем стали подобны стихии и мощи этой реки. Дар поэта и сказителя проявился уже в дошкольном возрасте. Сначала Светлана рифмовала и дополняла собственными фантазиями казавшиеся ей монотонными детские сказки. Десятки стихов написаны в школьные годы. «Душа ещё не выросла», но врожденное чувство рифмы было безупречным. Выпускное сочинение легче было написать в стихах, чем в прозе. И её поэтический талант отметили грамотой Сибирского отделения Российской Академии наук.

В романтический период юности стихи Светланы Ярославовой исчислялись уже сотнями. В эти же годы проявились и способности к предвидению. Она вбирала в себя душу народа, непосредственно соприкасаясь с теми, кто тянулся к ней за её энергетикой, помощью и надеждой. Познавая женские откровения, она стала сильнейшим психологом. В её стихах – протест против женской несвободы, несвободы личности, любой формы зависимости, и – любовь ко всему живому, прекрасному. В этом сборнике неполная презентация, хранящегося в её запасниках «стихотворного клада».